

Н.А. Перемитина

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Томский государственный педагогический университет

Передача знаний от одного человека к другому совершалась, разумеется, с тех самых пор, когда можно говорить о существовании человека. Однако это скорее обучение, нежели образование. Образование и есть обучение, но систематизированное и социологизированное. Данный тезис может и должен быть разъяснен, хотя мы не претендуем на полную экспликацию.

1. Лавинообразно нарастающий объем информации категорически требует ее упорядочения, иначе ни о каком ее разумном восприятии и использовании не может быть и речи. Было бы ошибкой считать эту проблему исключительно современным явлением. Во всяком случае, отчетливая систематизация наук исторически отмечена у Аристотеля, но точно ли, что он был первым? Систематизация в виде разделения некогда единого (мифологизированного) знания на более узкие отрасли, конечно, старше. Следует, однако, иметь в виду неизбежную «плату за прогресс» – утрату единства восприятия, перенос разделения знаний на источник этих знаний. Отсюда, в частности, и представления о неизбежном противопоставлении «физиков» и «лириков» (и это не единственный и не самый сильный пример). Однако так ли уж они противопоставлены? Во всяком случае, из существа предмета противопоставление не следует с необходимостью. Разве что из деления на «правополушарные» и «левополушарные»? Но более выраженное развитие одного полушария отмечено физиологами не так уж давно. Как знать, такая или иная физиология диагностировалась бы у наших предков. Да и странно представить себе деление на «лириков» и «физиков» в средневековой Передней Азии. В самом деле, Омар Хайям (ок. 1048 – после 1122) – поэт, философ, астроном и математик. Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (973 – ок. 1050) и вовсе энциклопедист: астроном, физик, философ, историк, ботаник, географ, минеролог (и это не все). Сабит ибн Курра (836–901) – астроном, механик, медик, математик и философ. Впрочем, возвращаясь к общей проблематике, отметим, что систематизация предполагает в числе прочего и селекцию (отбор предметов).

2. Обществу не безразличен объем, качество и целенаправленность личностных свойств его членов (стоит ознакомиться с монографией президента Римского клуба Аурелио Печчеи «Личностные качества», чтобы оценить важность проблемы). От них как раз в решающей степени зависит жизнеспособность общества, способность его быть адекватным внешним и внутренним вызовам. Отсюда и глубокое вмеша-

тельство общества во все, что связано с образованием, так же как и во все связанное с хозяйственной деятельностью, обороной, судопроизводством (список очень длинный). Однако непосредственное попечение об образовании осуществляет не общество в целом, а доверенные органы и лица. Россия в этом отношении похожа на многие из так называемых цивилизованных стран разве что секуляризацией образования, но не способами управления им.

В самом деле, где отличный самонастраивающийся управленческий инструмент, известный под именем попечительского совета? Нельзя же решение всех вопросов отдавать на откуп администрации! Это относится, в частности, к бюджету учебных заведений. Обрести прозрачность он может только под надзором того же попечительского совета. Этот же совет, выступая в роли заказчика образовательных услуг, должен ведать и кадровыми вопросами. Однако не так все просто. Отсутствие попечительских советов в России – не столько повод для траура по утраченным возможностям, сколько признак общей неразвитости гражданского общества. Искусственно же форсировать его создание бессмысленно. Иначе люди, не представляющие существо дела, возьмутся принимать ответственные решения без признаков ответственности за последствия.

Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что нынешняя Россия расплачивается за волюнтаризм Петра Великого, отчаянно насаждавшего бюрократию и столь же отчаянно боровшегося с нею и с неизменной ее спутницей – коррупцией. Борьба оказалась безуспешной даже в ближайшем окружении императора (достаточно вспомнить А.Д. Меншикова, который от торговли пирогами в детстве дошел до титула князя Ижорского и обладателя состояния, превосходящего годовой бюджет империи). Бюрократия, стоит ее завести и распустить, становится вечной и несокрушимой. С нею ничего не могли поделывать могущественные государи и не менее могущественные генсеки.

Довольно рискованная затея – предоставлять формирование образовательных стандартов, учебных программ и прочих аналогичных продуктов одним лишь специалистам и ведомствам. Хорошо известно, к чему привело во Франции чрезмерное доверие к Жану Дьёдонне в вопросе о содержании школьного курса геометрии. Блестящий математик, талантливый сотрудник группы «Николя Бурбаки» решил, вероятно, что и школьники (почти все) точно такие

же, как он, что им ни к чему повторять тернистый путь элементарной геометрии, а лучше сразу изучать ее так, как стал бы изучать сам Дьёдонне. К счастью для французских школ, эта концепция не была доведена до логического завершения, да и продержалась недолго. Следует отметить, что осовременивание учебных дисциплин – вещь совершенно необходимая, однако здоровый консерватизм является необходимым противовесом от чрезмерных перегибов. Перегибов же этих не так мало, как кажется (память у нас избирательная). Достаточно вспомнить внедрение телевидения в обучающий процесс (от него ждали невесть каких достижений), усиленную пропаганду опыта новаторов (Шаталова, Никитина, Амонашвили и многих других), от которого тоже ожидали многого. Не дождались. Но почему? Гораздо продуктивнее другой вопрос: а почему ждали? Ну, как же! Прогресс, знаете ли... А вот ждать-то и не стоило! Однако, если не обременять Господа чрезмерными упованиями, то скромность будет вознаграждена.

3. Особо стоит остановиться на экономической стороне образования. Идея платного образования не так проста, как многим кажется. Ясно, что платить следует именно за образовательные услуги, а не за что-то другое (в это «другое» часто входит право поступления). Но как быть с репетиторами, так ли уж они вредны и правда ли, что они есть паразитическая прослойка в образовательном сообществе? Верно ли, что у репетиторов бывают доходы, превосходящие любые разумные границы? С этого и следует начать. Сверхдоходы получает репетитор, который таковым по сути не является, ибо продает не образовательные услуги, а отработывает свое обещание «поспособствовать» на экзамене (либо избавить от него вовсе). Такой «репетитор», конечно же, очень вреден для общества в целом и для системы образования в частности.

Настоящий же репетитор – от этого никуда не деться – дает знания, которые лишними, по большому счету, не бывают. Конечно, было бы хорошо, если бы эти знания человек получил в школе (но школьному учителю платят гораздо меньше, чем репетитору: не с этого ли слабого звена надо в действительности реформировать образование), но пока этого, увы, нет. Идеологи образовательной реформы отстаивают тезис «деньги – студенту, а не вузу». Имеется в виду, что студент, выбрав вуз, поддержит его деньгами, которые ему выделены в виде кредита на образование. Это, однако, не избавляет от давления своеобразной «моды». Имеется в виду чрезмерное стремление поступать либо на экономический факультет, либо на юридический, либо на психологический. Конкурсы на эти специальности явно превосходят общественную потребность в соответствующих специалистах.

Впрочем, экономика связана с образованием не только в сторону – «туда», но и в сторону – «обратно». Вложения в образование, вероятно, самые результативные (при разумном подходе). Перевод экономики

на рыночные рельсы требует не просто подготовленных кадров, а подготовленных надлежащим образом. Бизнес не должен уклоняться от вложения средств в образование. При этом нет ничего опаснее узковедомственного подхода, когда, скажем, ТНК материально поддерживает только пару кафедр геологоразведочного факультета ТПУ – более ничего и никого. Если образование «вообще» находится на низком уровне, то неоткуда взяться и высококачественному образованию «в частности». Ясно, что поддержка образования как целого доступна лишь организованному бизнесу (до чего, возможно, еще далеко).

4. Социологизированность образования не сводится к контролю над образованием со стороны социума. Ведь человек может обучаться «для собственного удовольствия», не особенно сообразуясь с общественной значимостью и востребованностью своих знаний. Казалось бы, какая радость от этого обществу, не следует ли пресечь это расточительство в корне? Не так все просто! Многие одаренные писатели, художники и другие деятели искусств именно так прокладывали себе дорогу. Но если полученное образование не находит явного приложения в профессиональной (или богемной) деятельности, оно играет ничем не заменимую роль, повышая общий культурный уровень общества и страны. Не будет преувеличением сказать, что для формирования гражданского общества необходим некий критический уровень образованности членов этого самого общества. Следует, однако, иметь в виду, что уровень образованности следует понимать скорее в относительном смысле, нежели в абсолютном, иначе пришлось бы сравнивать образованность историка С.С. Аверинцева (автора блестящих работ о Средневековье и Возрождении) и образованность металлурга Аносова, раскрывшего секрет булата (хотя, возможно, и не индийского).

Уровень личной образованности (с социальной точки зрения) можно определить как меру социальной адаптации, приобретенной индивидуумом благодаря своему образованию. При таком подходе токарь-виртуоз широкого профиля, не знающий отбоя от заказов, должен быть признан лучше образованным (относительно), нежели доцент, на лекции которого студенты предпочитают не ходить. Но и тут не все так уж просто. «Тупой доцент» может оказаться никудышным педагогом, но глубоким мыслителем (вполне может, правда, таковым и не оказаться). Распространенные упоминания о неэффективности НИОКР в СССР часто завершаются выводом о том, что не надо было держать такую армию низкооплачиваемых м.н.с. и с.н.с., все равно отдача невелика. Представляется все же, что отдача невелика не из-за многочисленности научных кадров, а из-за неумения грамотно распорядиться интеллектуальным потенциалом.

Это обстоятельство заставляет задуматься о мере неопределенности в решении вопроса о цене образовательной системы для общества и об ожидаемой от-

даче. В самом деле: расходуя деньги, которые можно подсчитать, мы ожидаем многоплановых последствий, оценка которых в денежном эквиваленте находится под очень большим сомнением. Никакая административная структура не в силах проделать подобную оценочную работу. Впрочем, в ней, скорее всего, нет и необходимости. Приемлемая цена системы образования может быть получена путем сравнения процента ВВП, направляемого на образование группой достаточно развитых стран, с целью определить некий оптимальный уровень. Следует, однако, иметь в виду,

что Россия – не Германия и не США, которые в массовом порядке приглашают молодых ученых с пятилетним контрактом из разных стран (контракт редко продлевают). Мы можем полагаться только на собственный образовательный потенциал. Так что процент ВВП, расходуемый на образование, в России должен быть безусловно выше, чем в «цивилизованных» странах. Далее, очень накладно готовить специалистов для других стран. Если не предусмотреть расходы на трудоустройство специалистов, то потери будут гораздо выше упомянутых расходов.

Н.В. Веретенникова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Томский государственный университет

Образовательный комплекс – система экономических отношений, складывающихся в процессе качественной переработки и обработки информации, ее трансформации в новый объем знаний. Субъектами этих отношений являются производители (преподаватели, ученые, менеджеры системы образования) и потребители (учащиеся и их семьи) знаний. Социально-экономическое содержание образовательного комплекса определяется ролью знаний в экономике. С экономической точки зрения знания характеризуются следующими чертами: рассматриваются как общественное благо, так как они доступны каждому, могут потребляться сообща и их получение гарантируется государством; они неотчуждаемы при передаче; невозможно однозначно оценить получаемый объем знаний; непространственность и неубываемость знаний при их потреблении; вариативность использования; мгновенное распространение; знания не изнашиваются, хотя их полезность со временем может уменьшаться; отсутствие зависимости между вложением знаний в создание новых знаний и полученным результатом.

Существует множество подходов к определению важнейших функций образовательного комплекса в экономической системе.

Основной функцией образования является развитие индивидуальных способностей, подготовка молодого поколения к жизни, передача культурных ценностей от поколения к поколению, с помощью которых поддерживается общественный порядок. Э. Дюркгейм отмечал: «Образование – влияние, оказываемое взрослыми, на тех, кто еще не готов к социальной жизни. Целью его является воспитание и развитие в ребенке определенного набора физических, интеллектуальных и моральных качеств, которые требует от него как политическая система в целом, так и конкурентная среда, для которой он специально и предназначен» [1, с. 7]. Адам Смит также рассматривал роль образова-

ния для развития человека: «Он одобрял образование скорее ради нравственного совершенствования, чем для роста производственной квалификации, и в этом за ним следовали почти все ученые классической традиции» [2, с. 196].

М. Вебер подчеркивал, что образование – это не только получение знаний, но и усвоение соответствующего образа жизни, социализация человека. Основная функция школ – получение особой статусной культуры. Несмотря на классовые различия (определяемые рыночной позицией индивидов) «во всех отношениях их образ жизни определяется общим для всех их образованием» [3, с. 156]. Он особенно подчеркивал роль образования для переходного, неустойчивого состояния общественного развития.

Идеологическую функцию образования проповедуют неомарксисты, они подвергли сомнению его позитивную роль в обществе. Опираясь на марксистскую трактовку образования как надстроечный институт экономического базиса, они рассматривают экономику получения знаний как идеологическую систему, служащую правящему классу. Они считают, что основной функцией образовательных учреждений является не создание условий для экономического роста и обеспечения в дальнейшем роста благосостояния носителей человеческого капитала, а производство пассивных, некритичных, послушных рабочих.

Уровень образования положительно сказывается на вовлечении населения на рынок труда: меньше риск потери работы, более высокая зарплата. А. Маршал рассматривал знания как «наиболее могущественный источник производства» и полагал, что «организации способствуют знаниям». Приобретенные знания позволяют экономическим субъектам использовать современные технологии, творчески мыслить, адаптироваться к изменяющимся условиям труда. Инвестиции в образование в конечном счете приводят к повышению качества и производитель-